

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

М. Б. БЕССУДНОВА

УСТАВ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И ПОПЫТКА ЕГО РЕДАКТИРОВАНИЯ В XV ВЕКЕ РЕФОРМА ВЕРХОВНОГО МАГИСТРА ГАНСА ФОН ТИФЕНА¹

Создание новой редакции устава Немецкого ордена, инициированное в 1492 г. верховным магистром Гансом фон Тифеном, явилось попыткой сохранить орденское государство с присущими ему коллегиальным правлением и корпоративной собственностью. Крестоносная парадигма и приверженность старинным уставным требованиям, присутствующие в программе Тифена, не могут восприниматься как доказательства ее анахроничности и отсутствия политической взвешенности, поскольку сохранение за орденом статуса государя достигалось неизбежностью папских и императорских привилегий, пожалованных ему в эпоху крестовых походов. Устав содержал определенный поведенческий код, который служил ордену доказательством сохранения его изначальной, крестоносной природы. Однако старинные нормы «благочестия» и «послушания» стали восприниматься как залог добросовестного исполнения рыцарями их административных функций, а их «бедность» гарантией сохранения орденом его собственности.

Ключевые слова: *устав Немецкого ордена, орденское государство, Ганс фон Тифен*

Судьба Немецкого (Тевтонского) ордена, одного из самых крупных духовно-рыцарских орденов средневековой Европы, неразрывно связана с историей орденских государств (*Ordensstaaten*) Пруссии и Ливонии, представлявших оригинальный тип средневековой государственности – с орденом в роли «земского правителя» (ландсгерра), специфической административной и военной организацией, корпоративной земельной собственностью, централизованной системой хозяйствования и весьма выразительной идеологической составляющей.

При всем интересе к истории трех подразделений Немецкого ордена (прусского, ливонского и имперского) в современной историографии², многое еще нуждается в изучении. Так, широкий спектр проблем связан с выявлением характера и динамики развития правовой базы орденских государств и ордена как корпорации. Здесь особо значима «Книга ордена» (*unsers ordens buch*), именуемая обычно уставом. В 1199 г. папа Иннокентий III, годом ранее санкционировавший превращение Немецкого госпиталя в духовно-рыцарский орден, пожаловал ему устав ордена тамплиеров, а Иннокентий IV в 1244 г. разрешил ге-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-500098.

² Wippermann 1979; Biskup 1982; Benninghoven 1993-1994; Biskup 1995; Gonzarow, Mauzowa 2006; Arnold 2007; Huben 2009.

неральному капитулу вносить в него изменения и тем самым адаптировать к условиям пребывания братства за пределами Святой Земли³. Древнейшая рукопись устава датируется 1264 г. В нее входит Пролог с краткой историей создания ордена и собственно устав с перечнем принятых в нем поведенческих норм, представленных в «Законах», «Обычаях», правилах внутреннего распорядка, установлениях, касающихся управления орденом, литургических и церемониальных предписаниях⁴. В XIV – первой половине XV в. в устав были включены постановления (законы) верховных магистров Вернера фон Орзельна (1324–1330), Лутера Брауншвейгского (1331–1335), Винриха фон Книппроде (1351–1382), Конрада фон Юнгингена (1393–1407) и Пауля фон Рудорфа (1422–1441)⁵, а затем, в 1442 г., верховный магистр Конрад фон Эрлихсхаузен (1441–1449) утвердил его окончательную редакцию.

Положения устава Немецкого ордена долгое время воспринимались исследователями как «воплощение принципа ордена, которому были приданы государственные функции»⁶, а потому были востребованы для изучения административно-правовых структур орденских государств Пруссии и Ливонии⁷. Х. Бокман, указавший на широкие перспективы изучения орденского устава, вместе с тем не был склонен видеть в нем «нечто вроде орденской конституции»⁸. И действительно, устав Немецкого ордена оказался, к примеру, весьма полезен для исследования ментальной составляющей жизни рыцарского братства⁹ и реформаторской деятельности верховных магистров XIV–XV вв. как попытки сохранить в ордене дух христианского служения и братского единения, что должно было содействовать преодолению пагубных последствий социального расслоения рыцарской среды, проявлявшегося все отчетливее по мере превращения ордена в «госпиталь для бедного немецкого дворянства»¹⁰. Часть исследователей рассматривает орденские реформы XIV–XV вв. сквозь призму межгосударственных и внутриполитических конфликтов, в центре которых оказалась Орденская Пруссия. Переход правителей Великого княжества Литовского в католичество в конце XIV в. положил конец идее подвижничества во имя

³ Tabulae Ordinis Theutonici. 1869. № 297; 470.

⁴ Perlbach 1969.

⁵ Perlbach 1969. S. 134–158.

⁶ Maschke 1963.

⁷ Thielen 1965; Volgger 1985; Jähnig 1991; Boockmann 1995; Weiß 1999; Nowak 1999; 2001; Militzer 1999; Игошина 1999; Dygo 2001; Biskup 2001; Jähnig 2002; Jähnig B. 2003; Militzer 2005; Heckmann 2007.

⁸ Boockmann 1982; 1995. S. 11. См. также: Бокман 2004.

⁹ Volgger 1985; Dygo 1990; Hucker 1993; Wiechert 1993; Dygo 1993; Kwiatkowski 1995; 1998; Sarnowsky 1998; Czaja 2005.

¹⁰ Hellmann 1960. S. 136–137; Maschke 1970. S. 35–59; Biskup 1986.

христианизации язычников или «миссии», которая предуготовила появление Немецкого ордена на берегах Балтики в XIII в., вслед за чем идея реформирования ордена, доселе сугубо внутрикорпоративная, оказалась востребованной противниками ордена. В 1397 г. король Венгрии и будущий император Сигизмунд Люксембургский (1387–1437; император с 1410) предложил передислоцировать орден на Дунай для противостояния врагам католической церкви и защиты христиан от натиска турок, а после поражения ордена в Грюнвальдской битве (1410) этот проект оказался в фокусе внимания польско-литовских государей. На Констанцском соборе (1414–1418) на Немецкий орден обрушился шквальный огонь критики, сопровождавшийся обвинениями в политической несостоятельности, нарушении уставных требований, порочности и т.п.¹¹ Те же идеи питали оппозиционный настрой прусских «сословий», поднявшихся на борьбу с орденом-ландсгерром¹². Провозглашаемая ими программа реформирования ордена не предусматривала ни модификации орденских структур, ни пересмотра уставных норм, ни совершенствования административной системы, но единственно ослабление ордена и ликвидацию орденского государства.

Усиление внутриорденских противоречий, равно как и нарастание ударной мощи внешней критики, побуждало руководство Немецкого ордена вплотную заняться разработкой программы реформ, в рамках которых основное внимание уделялось уставу. В 1422 г. верховный магистр Пауль фон Русдорф внес в него ряд дополнительных пунктов, касающихся укрепления дисциплины братьев-рыцарей и внутренней субординации¹³. Его преемник Конрад фон Эрлихсхаузен опубликовал в 1442 г. новую редакцию устава¹⁴, которая содержала все ту же архаичную, выработанную еще в XIII в., идеолого-правовую модель. Столь явная предрасположенность к консервации старинного порядка, которая прослеживается в законотворческой деятельности верховных магистров XIV–XV вв.¹⁵, долгое время питала сомнения историков относительно перспектив развития Немецкого ордена и созданной им формы государственности. О вырождении Немецкого ордена, закономерности и целесообразности его секуляризации писал еще Леопольд фон Ранке¹⁶, после чего в кругу исследователей стало нормой говорить о необратимости деструктивных процессов, имевших место внутри орденских

¹¹Boockmann 1989; Kwiatkowski 2000; Sieradzan 2012.

¹²Burgleigh 1984; Neitmann 1992; Sarnowsky 2000.

¹³Lückerath 1969. S. 122-128.

¹⁴Murawski 1953. S. 38-43.

¹⁵Подробнее см.: Arnold 1989. S. 149-151.

¹⁶«Для институций, подобных ордену в Пруссии, места в мире более не существовало» (Ranke 1874. Bd. 1. S. 125-126).

государств в преддверии Нового времени, и об очевидной бесперспективности их дальнейшего существования¹⁷. Правда, в последние годы этот историографический штамп перестал быть непререкаемым. Бокман, в частности, допускал возможность преодоления орденом кризисной ситуации, явившейся следствием разгрома при Грюнвальде¹⁸; его позицию поддержал К. Милитцер, заметивший, что даже в той критической ситуации «крушение господства [Немецкого ордена – М.Б.] не было предначертано»¹⁹. Его не уничтожила даже Реформация. Современные исследования показывают, что секуляризация ордена в Пруссии (1525) явилась результатом ряда сугубо местных обстоятельств и не предполагала его крушения в империи и Ливонии²⁰. Стоит заметить, что в момент исчезновения Орденской Пруссии протестантская публицистика в Ливонии муссировала идею о передаче всей полноты светской власти ордену²¹. Представления об исторической несостоятельности ливонского подразделения Немецкого ордена мы черпаем, главным образом, из ливонского нарратива второй половины XVI в., чье содержание пропитано протестантским морализаторством и горьким осознанием потери Ливонией своей независимости²². Реальная же картина положения дел в Ливонском ордене накануне Ливонской войны ныне не вполне ясна; воссоздать ее поможет орденская документация, внушительная по своим объемам и мало востребованная российскими исследователями, и пока эта работа не проделана, секуляризацию Ливонского ордена в 1562 г. должно воспринимать как результат жесткого внешнего воздействия. К этому выводу подводит и судьба Немецкого ордена в Священной Римской империи, инкорпорированного в ее политическую структуру, который благополучно пережил катаклизмы новой эпохи и в настоящее время продолжает существовать в качестве общественной, религиозно-благотворительной, организации.

Говоря о перспективах развития Немецкого ордена в Новое время, надо отдавать себе отчет в том, что мы имеем дело не просто со средневековой корпорацией, которая, подобно средневековым ремесленным цехам и купеческим гильдиям, пережила свой век и исчезла с подмостков Истории с наступлением Нового времени, а с «институцией, имевшей присутствие во всей Европе, включая Средиземноморье»²³, кото-

¹⁷ Maschke 1935. S. 111-115; Tumler 1955. S. 549-559; Hubatsch 1958; Hofmann 1965; Górski 1986. S. 25; Biskup 1986. S. 9-13; Zimmerling 1990; Biskup, Labuda 2000. S. 537-541.

¹⁸ Boockmann 1997. S. 24.

¹⁹ Militzer 2005. S. 152.

²⁰ Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach...2008. S. 286-291.

²¹ Kreem 2005. S. 49-50.

²² Freicherr von Taube 1986.

²³ Arnold 1992. S. 6.

рая не только содействовала успеху немецкой экспансии в Пруссии и Ливонии, но и способствовала их административно-хозяйственному освоению, сформировала оригинальную форму государственности и длительное время обеспечивала ее функционирование. В XIV в. во владениях Немецкого ордена возникла уникальная система хозяйствования, основу которой составляло рентабельное зерновое производство²⁴ и участие в международной торговле²⁵. Орденское государство располагало централизованной системой управления и «во многих отношениях <...> было современной и эффективней, чем большинство других немецких княжеств, где князья опирались на традиционное право власти»²⁶; братья-рыцари являлись опытными администраторами, чьи жизненные перспективы напрямую зависели от динамики их продвижения по службе²⁷. Что же касается военной системы Немецкого ордена, то ее признают «самой эффективной системой Средневековья»²⁸. Последовательная концентрация власти в руках верховных и краевых магистров в XV – первой половине XVI в.²⁹ дополняет историю становления «княжеского» абсолютизма в Священной Римской империи; в то же время власть ордена не исключала существование сословного представительства. Конфронтация ордена-ландсгерра с дворянством и городами, которое наблюдалось в Пруссии XV в., не может считаться закономерностью, поскольку история ливонского ландтага демонстрирует их довольно тесное, хоть и не лишнее трений сотрудничество³⁰.

Вопрос о возможности сохранения орденских государств в Новое время остается открытым. Одна из ключевых проблем – природа консерватизма реформаторской деятельности верховных магистров XV в. и ее целевая направленность. К услугам исследователей – обширная документация Немецкого ордена из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz, GStA PK) в Берлине³¹, в частности, коллекция орденских грамот (ОВА), среди которых – комплекс, касающийся обстоятельств созыва и хода работы капитула, созданного верховным магистром Гансом (Иоганном) фон Тифеном (1489–1497) в 1492 г.

Согласно «Законам» Немецкого ордена, генеральный или великий капитул, в котором были представлены высшие орденские чины всех трех его подразделений, надлежало собирать ежегодно для решения

²⁴ Samsonowicz 1989. S. 107; Samowsky 1993; Dygo 2001; Arnold 2007.

²⁵ Kreem 2003. S. 93-112.

²⁶ Игошина 1999. С. 119.

²⁷ Boockmann 1982. S. 181-196; Państwo zakonu krzyżackiego... S. 53-233.

²⁸ Benninghoven 1976.

²⁹ Boockmann 1982. 181-220.

³⁰ Czaja 2009. S. 312-328.

³¹ Подробнее об архиве см.: Forstreuter 1955; Köppen 1967.

важнейших административных вопросов, включая утверждение новых законов³². С 1470-х гг. генеральный капитул перестал созываться, и звучавший в 1490-х гг. призыв верховного магистра Тифена собрать его для утверждения программы реформ явился, в сущности, последней попыткой сохранить в Пруссии орденское государство с присущими ему управленческими структурами. Очерк об этом историческом эпизоде в первой половине XIX в. представил И. Фойгт³³, после чего тема лишь изредка затрагивалась в исторической литературе³⁴. В 1970-х гг. социальный подтекст предложенной капитулу программы проанализировал Л. Дралле, который отметил стремление верховных магистров Мартина Трухзеса фон Ветцхаузена (1477–1489) и Ганс фон Тифена укрепить корпоративные структуры посредством консервации архаичных форм орденского распорядка, что противоречило интересам большинства рыцарской братии³⁵, но был далек от выявления природы подобного рутинерства и его политической целесообразности.

После поражения Немецкого ордена в Тринадцатилетней войне 1454–1466 гг., потери Поморья и признания вассальной зависимости от польской Короны обособленность его имперского и ливонского подразделений продолжала возрастать³⁶. В 1470 г. верховный магистр в последний раз воспользовался своим правом избрания главы Ливонского ордена, после чего эта прерогатива окончательно перешла к ливонским орденским чинам (гебитигерам)³⁷. Генеральный капитул ордена фактически перестал созываться³⁸; постепенно изживали себя «визитации», инспекционные поездки эмиссаров верховных магистров, регулярно производившиеся с целью сбора сведений о личном составе и материальном обеспечении периферийных конвентов³⁹. Расчленение Пруссии нарушило хозяйственный комплекс орденского государства, что породило множество негативных последствий и среди прочего резкое сокращение доходов от домениального хозяйства, бюджетный дефицит, приватизацию орденских земель, финансовую зависимость от внешних инстанций, хозяйственно-административное обособление орденских округов (гебитов) и перерождение гебитигеров, прибиравших к рукам орденскую собственность и постепенно смыкавшихся с прус-

³² Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... 2008. S. 129-131.

³³ Voigt 1839. Bd. 9. S. 173-187.

³⁴ Die Hochmeister des Deutschen Ordens... S. 153-155; Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 416-417.

³⁵ Dralle 1975. S. 128.

³⁶ Biskup 1995. S. 10; Militzer 1995. S. 157-159.

³⁷ Arnold 1985. S. 28-30.

³⁸ С начала XV в. функции генерального капитула постепенно стали переходить к совету высших гебитигеров при верховном магистре (Murawski 1953. S. 17).

³⁹ Arbusow 1903. S. 181-183.

ским дворянством⁴⁰. Великий князь Литовский и король Польши Казимир IV Ягеллончик (1440–1492; польский король с 1447 г.) использовал орден для обороны юго-восточных рубежей своих владений, и верховные магистры вынуждены были нести значительные расходы в связи с организацией антитурецких кампаний⁴¹. Восстановить независимость орден не мог – неудачи его вооруженных конфликтов с Польшей в 1470–1480-х гг. тому свидетельства⁴², но польский государь не упускал возможности ослабить его еще больше, используя, в частности, вопрос о правомочности ордена пользоваться своими привилегиями⁴³.

Пруссия продолжала оставаться «идеологическим центром притяжения», которым стала после перемещения туда штаб-квартиры Немецкого ордена в 1309 г.⁴⁴, поэтому проблема реформирования прусского подразделения представлялась руководству ордена насущной необходимостью. В 1488 г. Мартин Трухзес фон Ветцхаузен осуществил «визитацию» ливонских конвентов, а годом позже представил прусскому капитулу проект реформ, в котором основной упор делался на сохранении орденской собственности⁴⁵. Эти начинания были продолжены его преемником Гансом фон Тифеном, последним братом-рыцарем на посту верховного магистра Немецкого ордена⁴⁶.

Сразу же после вступления в должность в 1489 г. Тифен заявил о намерении созвать генеральный капитул, который должен был придать юридическую силу проекту реформ его предшественника⁴⁷. Имперский и ливонский магистры особого интереса к тому не проявили, вследствие чего созыв капитула постоянно откладывался⁴⁸. 23 апреля 1492 г. он был все-таки созван в замке Кёнигсберга, но на нем были представ-

⁴⁰ Voigt 1839. Bd. 9. S. 152-154, 222-226; Dralle 1975. S. 9-34; Boockmann 1992. S. 223-225; Biskup, Labuda 2000. S. 480-494; Urban 2002. P. 416-418; Samowsky 2007. S. 89-102. Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 332-356

⁴¹ Voigt 1839. Bd. 9. S. 173-187.

⁴² Biskup, Labuda 2000. S. 495-499.

⁴³ Potkowski 1994; Thumser 2000; Бессуднова 2010.

⁴⁴ Arnold 1996, S. 71.

⁴⁵ Biskup 1984; Dralle 1975. S. 128-131.

⁴⁶ Бессуднова 2007.

⁴⁷ О намерении верховного магистра созвать генеральный капитул упоминается в письме штабгальтера имперского отделения Немецкого ордена от 26 ноября 1489 г. (GStA PK, HA XX, OBA, № 17507).

⁴⁸ 9 апреля 1491 г. ливонский магистр извинялся за то, что из-за войны с Ригой и ожидавшейся интервенции со стороны шведов не может прибыть на капитул, назначенный на Троицу (GStA PK, HA XX, OBA, № 17600). В начале марта 1492 г. он опять заявил о невозможности прибыть на генеральный капитул, ссылаясь на ухудшение отношений с Московским государством и вероятность войны (GStA PK, HA XX, OBA, № 17684). 9 апреля 1492 г. Тифен написал ливонскому магистру, что учел его положение и вновь перенес срок созыва генерального капитула (Index corporis historico-diplomaticus... 1835. № 2301).

лены гебитигеры и амтманы из одной лишь Пруссии. На первом заседании был зачитан проект изменения орденского устава (*ein mögliche reformacion*), разработанный Тифеном во исполнение воли его предшественника⁴⁹. Он полагал, что реализация этого проекта позволит ордену избавиться от «неприглядного состояния и отклонений», проистекавших из-за несоблюдения рыцарями ордена положений устава. «Если же мы не одумаемся, – говорится в обращении верховного магистра, – то надлежит в большей мере страшиться распростертой над нами длани Господней, ибо орден не сможет долго просуществовать без принципов самостоятельности, послушания, целомудрия и общей собственности, записанных в книге нашего ордена [уставе – М.Б.]»⁵⁰.

Еще до созыва капитула верховный магистр не раз поднимал вопрос о «греховности» рыцарского братства в своей переписке. Выражая настроение рыцарей старшего поколения, которые «достоверно знают правила, законы и весь кодекс», в своем письме к имперскому магистру Андреусу фон Грумбаху он сетовал на то, что большинство их братьев, «хоть и находятся в расцвете сил, <...> не заботятся больше об исполнении устава, пренебрегают службой Господу, носят неположенное платье; также и в других важных делах можно видеть пренебрежение уставом и непочтение к законам», из-за чего «все возрастающее число молодых братьев больше не могут перенимать Святое Писание и примеров *благочестия* и *исполнения своего долга*»⁵¹.

Здесь уместно вспомнить замечание Х. Бокмана о том, что в Пруссии «ландсгерр и орден не были идентичны»⁵². Говоря об ордене, Тифен имел в виду далеко не всех его членов, а лишь занимавших административные посты и представлявших власть ордена как коллективного ландсгерра. На заседании капитула верховный магистр обращался к «достойным господам гебитигерам, фогтам, пфлегерам и амтманам из всех конвентов», и его программа была ориентирована исключительно на них. Всех прочих членов ордена верховный магистр воспринимал как лиц, полностью зависимых от начальства, которое должно было следить, «чтобы нужды братьев удовлетворялись вовремя и добросовестно, чтобы братья день и ночь могли бы прилежно исполнять службу Господу»⁵³, обеспечивать их пищей и одеждой, предоставлять врачебную помощь, организовывать богослужение, наблюдать за их поведением и соблюдением ими устава⁵⁴.

⁴⁹ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1-5. Публ.: Biskup 1999.

⁵⁰ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1 r.

⁵¹ Цит. по: Voigt 1839. Bd. 9. S. 185.

⁵² Woockmann 1982. S. 183.

⁵³ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 3.

⁵⁴ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 2 r.; l. 3.

Лейтмотив программы Тифена – мысль о необходимости строгого соблюдения членами ордена обетов послушания, целомудрия, бедности и прочих проявлений монашеской аскезы (безмолвие, молитвы, посты, ограничение общения с мирянами и др. – всего 14 пунктов), позаимствованных из законов Конрада фон Эрлихсхаузена 1442 г.⁵⁵ Подобная реанимация старинных поведенческих норм обычно интерпретируется в духе представлений о «банкротстве» Немецкого ордена как духовно-рыцарской корпорации⁵⁶, хотя адресность послышки позволяет несколько изменить угол зрения и увидеть ее рациональную подоснову. Намеание Тифена восстановить в ордене древнее благочестие не предполагало его отождествления с *nova militia* Бернара Клервоского, в среде которой монашеская аскеза воспринималась как источник великой духовной силы, необходимой для свершения воинских подвигов и принятия мученичества на «пути Господнем»⁵⁷. В программе Тифена нет ничего, что напоминает о священной обязанности братьев-рыцарей с оружием в руках бороться с врагами христианской веры и Церкви, равно как и о военной функции ордена в целом, что неудивительно, поскольку в XV в. военная служба в Немецком ордене окончательно стала уделом наемников⁵⁸. О восстановлении дуальной, воинской и монашеской, природы, идентифицирующей членов духовно-рыцарских орденов периода их расцвета (*monachi virtutibus, milites actibus*)⁵⁹, речь не велась, ибо суть реформаторской мысли образца 1492 г. определялась восприятием брата-рыцаря исключительно как администратора.

В процессе формирования орденов в Пруссии и Ливонии в Немецком орденом возникло и утвердилось представление о некоей присущей ему потенции, которую надлежало реализовать в сфере государственного управления во имя общего блага⁶⁰. Вместе с тем братьев-рыцарей аристократического происхождения, сообщавшего государю способность властвовать, в Немецком орденом было крайне мало, и основная их масса происходила из семей министерялов и мелкопоместного рыцарства, что наряду с отсутствием врожденного аристократизма предопределяло в целом их невысокий культурный и образовательный уровень⁶¹. Что же касается их религиозности (*Religiosität*) или духовности (*Spiritualität*), то она, по мнению исследователей, характеризовала их как «полу-духовенство» (*Semireligiosen*) – скорее мирян,

⁵⁵ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1 r.

⁵⁶ Dralle 1975. S. 132.

⁵⁷ Elm 1993. S. 12-18.

⁵⁸ Biskup 1991.

⁵⁹ Elm 1993. S. 19. См. также: Sarnowsky 1998; Czaja 2005. S. 7-21.

⁶⁰ Dygo 1993. S. 165-176; Kwiatkowski 1995; 1998; Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 357-369.

⁶¹ Militzer 1991.

нежели лиц духовного звания⁶². Претензии ордена на обладание сеньориальной и государственной властью подкреплялись поэтому ссылками не на родовитость, а на исключительность религиозно-нравственной природы лиц, которым эта власть делегирована; последние же должны были демонстрировать ее своим поведением, следуя канонам старинного благочиния, по сути своей презентативного или «экстравертного»⁶³. По этой причине, «новая религиозность», распространившаяся в Европе в XIV–XV вв., с характерным для нее индивидуальным восприятием Божественного, приоритетом нравственных императивов и скепсисом в отношении формальной обрядности не проникла глубоко в религиозное сознание членов ордена и даже осуждалась его руководством⁶⁴.

Приверженность букве устава соотносится в проекте Тифена с категорией «послушание»⁶⁵ и воспринимается как залог сохранения рыцарем благочестия, делающего его способным добросовестно исполнять доверенные ему административные функции («благочестие и исполнение своего долга»). Из всех рыцарских обетов Тифен особо выделяет «послушание» и предлагает участникам капитула начать обсуждение проекта реформ именно с этого пункта⁶⁶. Настраивая гебитигеров и амтманов на добросовестное выполнение своих служебных обязанностей в отношении подчиненных, верховный магистр обращается к строке законов Конрада фон Эрлихсхаузена, содержащей напоминание о том, что они «должны вести себя в отношении прочих братьев по доброду, не орать на них, а иметь ввиду, что они, как значится в книге нашего ордена, являются скорее их служителями, а не господами»⁶⁷. Добросовестность орденских администраторов представляется верховному магистру залогом сохранения общественной гармонии, а потому в строках своей программы, где говорится об отношении орденских начальников к населению подведомственных им орденских округов, он отмечает: «Пусть гебитигеры и амтманы по-доброду и дружески относятся к подчиненному населению (*untersossen*), а не оскорбляют их непотребными словами и тем самым не причиняют никакого [вреда] М.Б.] нашему ордену, и пусть имеют в виду, что как мы нуждаемся в верных подданных, так и они в верных господах»⁶⁸. Главным идентифицирующим признаком для круга лиц, представлявших власть ордена, таким

⁶² Elm 1993. S. 20-23.

⁶³ Kwiatkowski 1998.

⁶⁴ Triller 1978.

⁶⁵ «Послушание должно проявляться и соблюдаться не на бумаге или в словах, а во всем том, что предписано в этом законе (уставе)» (GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 1 r).

⁶⁶ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 1 r.

⁶⁷ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 3.

⁶⁸ Ibidem.

образом, должно быть их служебное соответствие, напрямую зависевшее от их «благочестия» и «послушания», а потому намерение верховного магистра восстановить в ордене «благочестие» преследовало целью сокращение должностных злоупотреблений и повышение эффективности коллегиального правления. Предлагаемый проект предусматривал меры административного воздействия на преступивших закон, равным образом извлеченные из арсенала орденских традиций, при этом уставная норма, утверждавшая равенство всех членов ордена, служила основанием для одинаковой ответственности должностных лиц разного ранга за совершенные проступки: «Если брат, будь он гебитигер, фогт, хаускомтур, пфлегер, амтман или обычный брат, будет признан виновным, пусть его накажут согласно уставу нашего ордена, невзирая на чин, поскольку мы все принадлежим одному ордену и ни один не может искупить вину другими средствами»⁶⁹.

Перед руководством Немецкого ордена стояла задача вернуть ответственность ордена, сократившуюся вследствие военно-политических потрясений второй половины XV в., изыскать средства для проведения внутренних преобразований и продолжения борьбы с польской Коронной за восстановление независимости. В программе Тифена решение проблемы орденской собственности соотносилось с исполнением рыцарями обета бедности, суть которого в тексте проекта передана выражением «жить при общей собственности» (*leben an eygenschafft*). Братья должны были по прибытии к месту службы добровольно отказаться в пользу ордена от наиболее ценного своего имущества⁷⁰. «Если у одного из рыцарей, прибывших в страну, вооружение (*gerust*) лучше, чем у других, то пусть им не разрешается продавать коня и оружие, а все привезенные с собой деньги они по доброму обычаю нашего ордена обязаны передоверить своим начальникам (*zuchtvetteren*)», а в дальнейшем им предписывалось избегать излишнего шика в одежде или, говоря словами документа, «неслыханного неприличия с отделкой и позолотой, из-за которого, как мы знаем, ничего хорошего для нашего ордена не происходит»⁷¹. Во избежание финансовых сложностей постановлялось, чтобы «ни один брат, какого бы статуса и достоинства он ни был, не давал в долг и под залог никаких денег, а, если занимал что-либо, то лишь с уведомлением своих старших братьев»⁷².

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Согласно правилам вступления в Немецкий орден, действующим в начале XVI в., новобранец должен был иметь при себе трех боевых коней, стоимостью не менее 20 гульденов, доспехи, а также 25 рейнских гульденов в качестве «первого взноса» (Biskup 1984).

⁷¹ GSStA PK, HA XX, OBA, № 17690. 1. 2.

⁷² GSStA PK, HA XX, OBA, № 17690. 1. 3.

Надлежало установить, сколько коней, содержавшихся за счет ордена, полагается иметь каждому гебитигеру или амтману, но гораздо более важным был пункт, касавшийся орденского земельного фонда, который ввиду отсутствия должного контроля за местной администрацией продолжал неуклонно сокращаться. Первым шагом на пути решения этой проблемы стал запрет должностным лицам распоряжаться крупными земельными участками: «Пусть в дальнейшем ни один гебитигер или амтман не передает [в другие руки – М.Б.] ленные или оброчные гуфы (*besatzte adder zinßhafftige huben*), если их более 10, и не отчуждает их у дома [конвента – М.Б.], а как поступать с выморочными ленами, пусть решает после совета с нами и гебитигерами»⁷³. Коллегиальное решение дел, связанных с наделением ленников земель, призвано было затруднить приватизацию орденской земли, которая в «постторуньской» Пруссии шла полным ходом⁷⁴.

Так в целом выглядел проект реформ, представленный верховным магистром Тифеном на суд капитула 23 апреля 1492 г. Днем позже представительное собрание сошлось вновь для его обсуждения и вынесения окончательного решения, которое, однако, оказалось полным отрицанием позиции главы ордена. Собравшиеся наотрез отказались обсуждать проект и требования по соблюдению рыцарями устава на том основании, что все они уже «возлюбили» устав при вступлении в орден, а потому не видят смысла в возвращении к этой теме. Они лишь просили главу ордена в случае первого нарушения положений устава братом-рыцарем ограничиваться предупреждением виновного, что *de facto* означало смягчение наказаний для нарушителей дисциплины. Вместо того, чтобы обсуждать тему благонравия рыцарей, собравшиеся просили верховного магистра содействовать разрешению повседневных проблем и, прежде всего, наладить снабжение конвентов, откуда поступали жалобы на нехватку еды, питья, одежды и прочих необходимых припасов⁷⁵. Можно предположить, что именно нужда в продовольствии обусловила просьбу разрешить рядовым братьям выезжать на охоту, «как ездят их господа и их служители», с которой собрание обратилось к верховному магистру⁷⁶. Другая просьба состояла в том, чтобы в случае, когда верховный магистр переводит какого-либо администратора в другой замок, тот не отправлялся туда в одиночку на повозке или санях, как того требовал закон, «поскольку это большой позор для ордена (*fast schimplich*)»⁷⁷. Следующий пункт «контрпро-

⁷³ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 2 r.

⁷⁴ Dralle 1975. S. 39-42.

⁷⁵ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r.

⁷⁶ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r. См. также: Militzer 1997.

⁷⁷ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r.

граммы» касался клеветы, возведенной одним братом-рыцарем на другого в присутствии верховного магистра, а также ложных обвинений членов ордена, совершенных мирянами. В этих случаях от главы ордена требовалось свести друг с другом истца и ответчика и, выслушав обе стороны, принять справедливое решение. В отношении коня и вооружения, которые новобранец по прибытию в Пруссию должен был передать своему начальству, предлагалось производить их оценку, чтобы в случае выхода из ордена и отъезда из страны рыцарь мог получить коня и оружие равного достоинства⁷⁸.

И, наконец, ключевое требование гласило, чтобы в целях сокращения злоупотреблений один из достойных членов ордена с одобрения верховного магистра был введен в окружение великого комтура (заместителя верховного магистра) для участия в обсуждениях государственных дел с тем, чтобы он был в курсе всего происходящего⁷⁹. Л. Дралле полагал, что это требование было выдвинуто управленцами среднего звена (фогтами), которые рассчитывали тем самым просочиться в высшие административные структуры⁸⁰, хотя, как следует из документа, указанное лицо никакими властными полномочиями не наделялось. Его задача сводилась к наблюдению за происходившим, фиксации полученной информации и, что можно предположить, к формированию орденовой меморийной традиции («Поскольку все на этом свет все, даже то, что Господь Всемогущей по воле Своей долго терпит, является быстро проходящим, нужно, чтобы происходящее в стране и за ее пределами было бы известно и оставалось свежо в памяти во благо ордена»).

Сравнивая обе программы, фигурировавшие на капитуле 1492 г., магистерскую и предложенную орденоскими чинами, нельзя не заметить в них существенных расхождений, обусловленных их различной целевой направленностью. Верховный магистр пытался сохранить орденовое государство с присущей тому коллегиальностью во власти и корпоративной собственностью, в то время как его оппоненты из числа прусских гебитигеров и амтманов стремились к укреплению собственных экономических и властных позиций в пределах орденовских гебитов, мало думая об ордене как о корпорации. Их требования не содержат подтекста, они продиктованы потребностями момента и не обременены ссылками на вековые орденовские традиции. В них отсутствует тот средневековый флер, которым облечена программа Ганса фон Тифена, но также и ее политическая взвешенность. Феноменальный традиционализм орденового законотворчества представляется закономерным и

⁷⁸ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 4.

⁷⁹ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 4 г.

⁸⁰ Dralle 1975. S. 134.

оправданным с учетом политического контекста конца пятнадцатого столетия, когда самыми авторитетными инстанциями католического мира, римской курией и имперским двором, решался вопрос о судьбе орденового государства в Пруссии⁸¹, а руководство Немецкого ордена в своем стремлении доказать его правомочность обладать званием ландсгерра должно было предоставить убедительные доказательства сохранения им своей исконной идентичности и соответствия идеалам «служения на пути Господнем». При сложившихся обстоятельствах устав, упоминания о котором не сходят с уст верховного магистра Тифена, выступал в качестве идеологеммы, формулы, содержащий определенный поведенческий код, доступный пониманию современников и служивший ордену допуском к пользованию папскими и императорскими привилегиями, а вместе с ними ко всей сумме прав на государственное освоение Пруссии и Ливонии. Поэтому любой глава орденового государства, желавший это государство сохранить, должен был производить преобразования строго в рамках устава, в то время как те, кто ориентировался на иные политико-правовые формы, могли его отвергнуть без ущерба для своих позиций.

Вместе с тем сама возможность видоизменять положения орденового устава обеспечивала Немецкому ордену способность к самообновлению и преодолению статичности, присущей средневековым корпорациям. В концепции Тифена, в частности, древние категории послушания и бедности оказались наполненными новым содержанием, вследствие чего они превратились в некие кодовые обозначения служебной добросовестности лиц, облеченных властью, и корпоративной (государственной) собственности. Развитие этих двух начал, по мнению верховного магистра Тифена, должны были спасти Немецкий орден и Орденскую Пруссию от дальнейшего ослабления. Перспективность подобной стратегии, нашедшей воплощение во внутривнутриполитических преобразованиях ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535)⁸², подтверждается укреплением ливонского орденового государства в первой трети XVI века, что дало ему силы выдержать удары Реформации⁸³. Конечно, устав в том виде, в котором его отстаивал Ганс фон Тифен, мало соответствовал повседневной административной практике орденового государства, но он и не должен был ей соответствовать, поскольку его положения касались не государственных структур, а ордена как корпорации. Проблемы же государственно-го управления разрешались посредством норм земского, ленного, го-

⁸¹ Бессуднова 2010. С. 36-40.

⁸² Бессуднова 2015. С. 106-132.

⁸³ Kreem S. 43-58.

родского права, сформировавшегося на основе местных обычаев, которые к орденскому братству никакого отношения не имели.

Столкнувшись с сопротивлением прусских орденских чинов, Ганс фон Тифен, не пожелал смириться с неудачей и продолжал уповать на созыв генерального капитула, где, как он полагал, его позицию разделят краевые магистры из империи и Ливонии, Андреас фон Грумбах и Вольтер фон Плеттенберг. К 1494 г. ему удалось заручиться их согласием на участие в генеральном капитуле, который должен был собраться в Кёнигсберге 2 сентября 1494 г.⁸⁴, однако из-за ухудшения отношений с Московским государством и угрозы внешнего вторжения ливонский магистр не смог на него прибыть⁸⁵. В планы Ганса фон Тифена входило также возобновление практики «визитаций». В 1497 г. верховный магистр отдал распоряжение об инспектировании ливонских конвентов⁸⁶, но из-за похода в Валахию, в котором он обязан был участвовать по приказу польского короля Яна Ольбрахта, привести его в исполнение не удалось. Испытав последствия разгрома польского войска турками, Тифен заболел и умер 25 августа 1497 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бессуднова М.Б.* Верховный магистр Иоганн фон Тифен - «последний брат-рыцарь» во главе Немецкого ордена // Человек XV в.: Грани идентичности / под ред. В. А. Ведюшкина. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 26-42. [Bessudnova M.B. Verhovnyj magistr Iogann fon Tifen - «poslednij brat-rycar» vo glave Nemeckogo ordena // Chelovek XV v.: Grani identichnosti / pod red. V. A. Vedjushkina. M.: IVI RAN, 2007. S. 26-42]
- Бессуднова М.Б.* Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге) / под ред. А. И. Филюшкина. СПб.: Любавич, 2010. С. 36-40. [Bessudnova M.B. Privilegii Nemeckogo ordena, «svjashhennaja vojna» i jeskalacija russko-livonskogo konflikta v konce XV v. // Sud'by slavjanstva i jeho Grjunval'da. Vybory puti russkimi zemljami i narodami Vostochnoj Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremja (k 600-letiju bitvy pri Grjunval'de/Tannenberge) / pod red. A. I. Filjushkina. SPb.: Ljubavich, 2010. S. 36-40]
- Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. М.: Квадрига, 2015. С. 106-132. [Bessudnova M.B. Rossiya i Livonija v konce XV veka. M.: Kvadriga, 2015. 488 s.]
- Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. 273 с. [Bokman H. Nemeckij orden: Dvenadcat' glav iz ego istorii / Per. V.I. Matuzovoj. M.: Ladomir, 2004. 273 с.]
- Игошина Т.Ю.* Государство Немецкого ордена в Пруссии // Реформирование России и современный мир / под ред. Н.И. Марчук, Л.О. Терновой. М.: РАГС, 1999. С. 110-129. [Igošina T.Ju. Gosudarstvo Nemeckogo ordena v Prussii // Reformirovanie Rossii i sovremennij mir / pod red. N.I. Marchuk, L.O. Ternovoj. M.: RAGS, 1999. S. 110-129]
- Arbusow L.* Die Visitationen im Deutschen Orden in Livland // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichts- und Altertumskunde der livländischen Provinzen Russlands zu Riga. 1902. Riga: W.F. Häcker, 1903. S. 179-193.

⁸⁴ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch... № 43, 44, 49, 50, 61, 407, 408.

⁸⁵ Ibid. № 56, 61.

⁸⁶ Ibid. № 470.

- Arnold U.* Akkon-Venedig-Marienburg. Der Deutsche Orden vom Mittelmeer zum Ostseeraum // *Aciri 1291. La fine della presenza degli ordini militari in Terra Sancta e I nuovi orientamenti nel XIV secolo* / di F. Tommasi. Perugia: Quattroemme, 1996. S. 69-74.
- Arnold U.* Der Deutsche Orden im mittelalterlichen Nordwesteuropa als Wirtschaftsfaktor // *Arnold U. Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages* / hrsg. v. B. Jähnig. Marburg: Elwert, 2007. S. 173-186.
- Arnold U.* Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard von Kettler. Ordensritter und Landsherren am Scheideweg in Preußen und Livland // *The Military Orders and the Reformation: Choces, State Bulding and the Weight of Tradition* / ed. by J.A. Mol. Utrecht: Uitgeverij Verloren, 2005. S. 11-30.
- Arnold U.* Livland als Glied des Deutschen Ordens in der Epoche Wolters von Plettenberg // *Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. S. 23-46.
- Arnold U.* Ostdeutsche Landforschung im letzten Vierteljahrhundert – das Beispiel Ost- und Westpreußen // *Arnold U. Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages* / hrsg. v. B. Jähnig. Marburg: Elwert, 2007. S. 25-39.
- Arnold U.* Reformansätze im Deutschen Orden während des Mittelalter // *Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen* / hrsg. v. K. Elm. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 1989. S. 139-152.
- Benninghoven F.* Die Burgen als Grundpfeilen des spätmittelalterlichen Wehrwesens im preußisch-livländischen Deutschordensstaat // *Burgen im deutschen Sprachraum. Ihre rechts- und verfassungsgeschichtliche Bedeutung* / hrsg. v. M. Andrae-Rau. Sigmaringen: Rheinland-Verlag, 1976. S. 565-601.
- Benninghoven F.* Über Veröffentlichungen zur Geschichte des Deutschen Ordens // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1993, Bd. 42, H. 4. S. 576-599; 1994, Bd. 43, H. 3. S. 413-434.
- Biskup M.* Das Problem der Soldner in den Streitkräften des Deutschordensstaates Preußen Vom Ende des 14. Jahrhunderts bis 1525 // *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 6)* / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1991. S. 49-74.
- Biskup M.* Die Erforschung des Deutschordensstaates Preußen. Forschungsstand – Aufgaben – Ziele // *Der Deutschordensstaat Preussen in der polnischen Geschichtsschreibung der Gegenwart (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 30)* / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1982. S. 1-35.
- Biskup M.* Die polnische Geschichtsschreibung zum Deutschen Orden // *Zwischen Konfrontation und Kompromiss (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Bd. 8)* / hrsg. v. M. Garleff. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1995. S. 73-94.
- Biskup M.* Państwo zakonne nad Bałtykiem w XIII-XIV w. // *Roskwit średniowiecznej Europy* / hrsg. v. H. Samsonowicz. Warszawa: Bellona, 2001. S. 425-467.
- Biskup M.* Plany reformy Zakonu Krzyżackiego w Prusach z 1492 roku // *Prusy – Polska – Europa: studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych; prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej* / pod red. A. Radziwińskiego. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1999. S. 277-285.
- Biskup M.* Warunki przyjmowania kandydatów do zakonu krzyżackiego w rzeszy niemieckiej na przełomie XV-XVI wieku // *Zapiski historyczne*. 1984. T. 49. Z. 3. S. 107-110.
- Biskup M.* Wendepunkt der Deutschordensgeschichte // *Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 36)*. Marburg: Elwert, 1986. S. 1-18.
- Biskup M.* Wyzytacja zamków zakonu krzyżackiego w Inflantach z 1488 roku // *Zapiski historyczne*. 1984, t. 49, z. 1. S. 119-128.
- Biskup M., Labuda G.* Die Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen: Wirtschaft, Gesellschaft. Staat, Ideologie. Osnabrück: Fibre Verlag, 2000. 619 S.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden in der Geschichte des spätmittelalterlichen Ostmitteleuropas // *Deutscher Orden 1190-1990 (Tagungsberichte der Historischen Kommission für ost-*

- und westpreußische Landesforschung. Bd. 11) / hrsg. v. U. Arnold. Lüneburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1997. S. 11-32.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden um 1400 // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen (Berliner historische Studien) / hrsg. v. K. Elm. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 1989. S. 131-138.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden: zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München: C.H. Beck, 1982. 319 S.
- Boockmann H.* Herkunftsregion und Einsatzgebiet // Ritterorden und Region – politische, soziale und wirtschaftliche Verbindungen im Mittelalter (Ordines Militares - Colloquia Torunensia Historica. Bd. 8) / hrsg. v. Z. H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995. S. 7-19.
- Burgleigh M.* Prussian Society and the German Order: An Aristocratic Corporation in Crisis c. 1410-1466. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 217 p.
- Czaja R.* Das Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden im Mittelalter. Bilanz und Forschungsperspektive // Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 13) / hrsg. v. R. Czaja. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2005. S. 7-21.
- Czaja R.* Die Entwicklung der ständischen Versammlungen in Livland, Preußen und Polen im Mittelalter // Zeitschrift für Ostforschung. 2009. Bd. 58. S. 312-328.
- Die Hochmeister des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 40) / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1998. 367 S.
- Dralle L.* Der Staat des Deutschen Ordens in Preußen nach dem 2. Thorner Frieden. Wiesbaden: Steiner Franz Verlag, 1975. 200 S.
- Dygo M.* Das Deutschordensland Preussen. Ein geistlicher oder ein weltlicher Staat? // Burgen kirchlicher Bauherren (Forschungen zu Burgen und Schlössern. Bd. 6) / hrsg. v. T. Biller. München: Deutscher Kunstverlag, 2001. S. 13-16.
- Dygo M.* Die heiligen Deutschordensritter. Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preußen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter (Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 7) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 165-176.
- Dygo M.* Die Wirtschaftstätigkeit des Deutschen Ordens in Preußen im 14.-15. Jahrhundert // Die Ritterorden in der europäischen Wirtschaft des Mittelalters (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 12). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2001. S. 147-160.
- Dygo M.* Mnich i rycerz: Ideologiczne modele postaw w zakonie krzyżackim w Prusach w XIV-XV wieku // Zapiski historyczne. 1990. T. 55. Z. 4. S. 7-19.
- Elm K.* Die Spiritualität der geistlichen Ritterorden des Mittelalters. Forschungsstand und Forschungsprobleme // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia historia. Bd. 7). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 7-23.
- Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung 3). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955. 114 S.
- Freiherr von Taube A.* «Der Untergang der livländischen Selbständigkeit»: die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // Die Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / hrsg. v. G. v. Rauch. Köln: Böhlau, 1986. S. 21-41.
- Gonczarow W.W., Mauzowa W.I.* Badania nad zakonem krzyżackim w historiografii rosyjskiej (1995-2005) // Zapiski historyczne. 2006. T. 71. Z. 4. S. 107-114.
- Górski K.* Studia i szkice z dziejów Państwa Krzyżackiego. Olsztyn: Pojezierze, 1986. 221 s.
- Heckmann M.-L.* Herrschaft im Spätmittelalter – am Beispiel des Deutschen Ordens // Die Ritterorden als Träger der Herrschaft: Territorien, Grundbesitz und Kirche (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historia. Bd. 14). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2007. S. 9-26.
- Hellmann M.* Bemerkungen zur sozialen Erforschung des Deutschen Ordens // Historisches Jahrbuch. 1960. Bd. 80. S. 1-192.
- Hofmann H.H.* Die Krise des Deutschen Ordens // Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils: Reichenau-Vorträge (Vorträge und Forschungen 9). Konstanz: [o. V.], 1965. S. 63-81.

- Hubatsch W.* Spätblüte und Zerfall des Ostseeraumes // *Historia mundi*. Bd. 6: Hohes und spätes Mittelalter / hrsg. v. O. Brunner. Bern: Francke Verlag, 1958. S. 262-287.
- Huben H.* Internationale Perspektiven der Erforschung des Deutschen Ordens // *Instituion und Charisma. Festschrift für G. Melville zum 65. Geburtstag* / hrsg. v. F.J. Felten. Köln: Böhlau, 2009. S. 159-170.
- Hucker B.U.* Zur Frömmigkeit von Livlandpilgern und Ordensrittern // *Die Spiritualität der Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 7)*. hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 111-130.
- Index corporis historico-diplomaticus Livoniae, Estoniae Curoniae oder Kurtzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehist- und Kurlands* / hrsg. v. K. Napierski. Riga: E. Frantzens Buchhandlung, 1835. Bd. 2. 414 S.
- Jähniß B.* Die Entwicklung der Deutschordensherrschaften in Preußen und Livland in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // *Ein gefüllter Willkomm. Festschrift für Knut Schulz zum 65. Geburtstag* / hrsg. v. F.J. Felten. Aachen: Shaker, 2002. S. 217-234.
- Jähniß B.* Deutscher Orden: Preussen // *Hofe und Residenzen im spätmittelalterischen Reich: ein dynastisch-topographisches Handbuch* / hrsg. v. W. Parawicini. Ostfildern: Thorbecke Jan Verlag, 2003. S. 727-733.
- Jähniß B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens in Preußen // *Westpreußen-Jahrbuch*. 1991. Bd. 4. S. 60-72.
- Köppen H.* Das Archiv des Deutschen Ordens in Preußen, seine Bestände und seine wissenschaftliche Bedeutung // *Jahrbuch Preußischer Kulturbesitz* (1966). 1967. H. 4. S. 172-187.
- Kreem J.* Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // *The Military Orders and the Reformation: Choecs, State Bulding and the Weight of Tradition* / ed. by J.A. Mol. Utrecht: Uitgeverij Verloren, 2005. S. 43-58.
- Kreem J.* Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval // *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2003. S. 93-112.
- Kwiatkowski S.* Der Deutsche Orden im Streit um Polen-Litauen. Eine theologische Kontroverse über Krieg und Frieden auf dem Konzil von Konstanz (1414-1418). Stuttgart: Kohlhammer, 2000. 55 S.
- Kwiatkowski S.* Die augustinische Identität des Deutschen Ordens in Preußen // *Ständische und religiöse Identitäten in Mittelalter und früher Neuzeit* / hrsg. v. S. Kwiatkowski. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. S. 63-85.
- Kwiatkowski S.* Powstanie i rozwój krzyżackiej koncepcji przywództwa religijnego w Prusach // *Zakon krzyżacki a społeczeństwo państwa w Prusach* / pod red. Z.H. Nowaka. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995. S. 137-148.
- Kwiatkowski S.* Zakon niemiecki w Prusach a umysłowość średniowieczna. Scholastyczne rozumienie prawa natury i religijna świadomość Krzyżaków do około 1420. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. 169 s.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2* / hrsg. v. L. Arbusow. Riga: Deubner, 1900. Bd. 1. 900 S.
- Lückerath C.A.* Paul von Rusdorf, Hochmeister des Deutschen Ordens 1422-1441 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 15). Bad-Godesberg: Elwert, 1969. 248 S.
- Maschke E.* Der Deutsche Orden. Hamburg: [o. V.], 1935. 82 S.
- Maschke E.* Die inneren Wandlungen des Deutschen Ritterordens // *Geschichte und Gegenwartsbewusstsein. Festschrift für H. Rothfels zum 70. Geburtstag* / hrsg. v. W. Besson. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 249-277.
- Militzer K.* Die Aufnahme von Ritterbrüder in der Deutschen Orden. Ausbildungsstand und Aufnahmevoraussetzungen // *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica 6)* / hrsg. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1991. S. 7-12.
- Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart: Koohlhammer, 2005. 225 S.

- Militzer K.* Von Akkon zur Marienburg. Verfassung, Verwaltung und Sozialstruktur des Deutschen Ordens 1190-1309 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 56). Marburg: Elwert, 1999. 547 S.
- Murawski K.-E.* Zwischen Tannenberg und Thorn. Die Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad von Erlichshausen 1441-1449. Göttingen: Musterschmidt, 1953. 482 S.
- Neitmann K.* Die Landesordnungen des Deutschen Ordens in Preußen im Spannungsfeld zwischen Landesherrschaft und Ständen // Die Anfänge der ständischen Vertretungen (Schriften des Historischen Kollegs, Kolloquien. Bd. 16) / hrsg. v. H. Boockmann. München: Oldenbourg, 1992. S. 59-81.
- Nowak Z.H.* Der Deutsche Orden in Preußen: War der Ordensstaat ein moderner Staat? // Medieval spirituality in Scandinavia and Europe. A collection of essays in honour of Tore Nyberg / ed. by L. Bisgaard. Odense: Odense University Press, 2001. S. 157-168.
- Nowak Z.H.* Der Deutschordensstaat in Preussen als Beispielfall. Modell und Antimodell für das Polen des 13.-15. Jahrhundert // Kulturtransfer Polen-Deutschland. Wechselbeziehungen in Sprache, Kultur und Gesellschaft / hrsg. v. K. Sauerland. Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1999. S. 35-40.
- Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008. 581 s.
- Perlbach M.* Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften. Halle: Niemeyer, 1890. 354 S.
- Potkowski E.* Schrift und Politik im 15. Jahrhundert. Die Anfänge politischer Publizistik in Polen // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin: de Gruyter, 1994. S. 355-373.
- Ranke L.* Zwölf Bücher preußischer Geschichte. Bd. 1/2. Leipzig: Duncker und Humblot, 1874. S. 522.
- Sansonowicz H.* Der Deutsche Orden als Wirtschaftsmacht des Ostseeraum // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 38) / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1989. S. 103-112.
- Sarnowsky J.* Der Deutsche Orden. München: Beck Verlag, 2007. 128 S.
- Sarnowsky J.* Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Festschrift für U. Arnold zum 60. Geburtstag / hrsg. v. B. Jähnig. Lüneburg: Verlag Nordostdeutscher Kulturwerk, 2000. S. 403-422.
- Sarnowsky J.* Die Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preußen (1382-1454). Köln: Böhlau, 1993. 918 S.
- Sarnowsky J.* Identität und Selbstgefühl der geistlichen Ritterorden // Ständische und religiösen Identitäten in Mittelalter und früher Neuzeit / hrsg. v. S. Kwiatkowski. Toruń: Stefan Kwiatkowski, 1998, S. 109-130.
- Sieradzian W.* Der Torner Frieden von 1411 und die Prozesse zwischen dem Deutschen Orden und Polen als Beispiel der Bewältigung zwischenstaatlicher Konflikte im Spätmittelalter // Konfliktbewältigung und Friedensstiftung im Mittelalter / hrsg. v. R. Czaja. Toruń: Stefan Kwiatkowski, 2012. S. 135-149.
- Stems I.* The Statutes of the Teutonic Knights: A Study of Religions Chivalry. Philadelphia: University of Pennsylvania 1969. 329 p.
- Tabulae Ordinis Theutonici: ex tabularii regii Berolinensis codice potissimum / ed. E. Strehlke. Berlin: Weidmann, 1869. 490 p.
- Thielen P.G.* Die Verwaltung des Ordensstaates Preußen vornehmlich im 15. Jahrhundert (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart 11). Köln: Böhlau, 1965. 196 S.
- Thumser M.* Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken // Europa und die Türken in der Renaissance / hrsg. v. B. Guttmüller, W. Köhlmann. Tübingen: Walter de Gruyter, 2000. S. 139-178.
- Triller A.* Die Hl. Dorothea von Montau in ihrem Verhältniß zum Deutschen Orden und Deutschordensmitgliedern im Kanonisationsprozess Dorotheas 1404-1406 // Von Akkon bis Wien: Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. Festschrift zum 90. Geburtstag von Marian Tumler / hrsg. v. M. Tumler. Marburg: Elwert, 1978. S. 76-83.

- Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neusten Zeit. Wien: International Book & Publishing, 1955. 747 S.
- Urban U.* Tannenberg and After. Lithuania, Poland and the Teutonic order in Search of Immortality. Chicago: Lithuanian Research and Studies Center, 2002. 500 p.
- Voigt J.* Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 9. Königsberg: Bornträger, 1839. 790 S.
- Volgger E.* Entstehung, Aufbau, Mitgliedschaft und Hierarchie im Deutschen Orden unter Berücksichtigung des Gesamtphänomens der geistlichen Ritterorden // Die Regeln des Deutschen Ordens in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. E. Volgger. Lana: Deutschorde-Verlag, 1985. S. 36-59.
- Volgger E.* Theologie und Spiritualität der Deutschorde-Statuten (des «Ordensbuches») aus dem 13. Jahrhundert // Die Regeln des Deutschen Ordens in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. E. Folgger. Lana: Deutschorde-Verlag, 1985. S. 60-75.
- Weiß D.J.* Der Deutsche Orden zwischen Hospitaldienst und Territorialherrschaft // Rottenburger Jahrbuch für Kirchengeschichte. Bd. 18. 1999. S. 111-128.
- Wiechert G.* Die Spiritualität des Deutschen Ordens in seinen mittelalterlichen Regel // Die Spiritualität der Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 7) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 131-147.
- Wippermann W.* Der Ordensstaat als Ideologie: Das Bild des Deutschen Ordens in der deutschen Geschichte und Publizistik. Berlin: Colloquium Verlag, 1979. 456 S.
- Zimmerling D.* Der deutsche Ritterorden. München: Econ, 1990. 344 S.

Бессуднова Марина Борисовна, доктор исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета им П.П. Семенова-Тянь-Шанского; профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; *magistrmb@gmail.com*

Statutes of the Teutonic Order and an attempt to edit them in the XV c. The reform by Grand Master Hans von Tiefen

The effort of Grand Master Hans von Tiefen to create a new version of the Statutes of the Teutonic Order in 1492 was the last attempt to preserve Order's state in Prussia with its collegial governance and corporate property. The crusading paradigm and the commitment to the statutory requirements, a typical of the program of Tiefen, should not be taken as evidence of its anachronism and the lack of political balance. The long-term sovereign status (Landsherr) of the Teutonic Order had been depended not only on the inviolability of all Papal and imperial privileges granted the Teutonic Knights during the Crusades, but mostly on their compliance with the generally accepted notions of sovereigns. Thus the Statute contained certain behavioral code for the Teutonic Knights and also served as the evidence of preservation of their crusading nature. However, the content of the definitions of "piety" and "obedience" started to work as a guarantee of the performance of administrative functions by the fellow knights, and their "poverty" guaranteed the preservation of the property by the Order.

Keywords: Order's state in Prussia, Statutes of the Teutonic Order, Hans von Tiefen

Marina Bessudnova, Dr. Sc., Professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University; Assistant Professor, Lipetsk State Pedagogical University; magistrmb@gmail.com